

*Жизнь
Замечательных
Людей
Витебщины*

*Художник
ВЛАДИМИР
СМЕРЕДИНСКИЙ*

Серия «Жизнь замечательных людей Витебщины»

Аркадий Подлипский, Михаил Цыбульский

***ХУДОЖНИК
ВЛАДИМИР
СМЕРЕДИНСКИЙ***

*Витебск
«Витебская областная типография»
2008*

УДК 75.071.1(476)+929Смерединский
ББК85.143(4Бен)
П44

Серия основана в 1997 году

Авторы благодарят дочь В. Смерединского и ее семью за помощь в подготовке этой книги.

Подлипский, А. М.

П44 Художник Владимир Смерединский / Аркадий Подлипский, Михаил Цыбульский. — Витебск : Витеб. обл. тип., 2008. — 32 с, [8] л. фот. — (Серия «Жизнь замечательных людей Витебщины»).

ISBN 978-985-6849-43-8.

Новая книга из серии «Жизнь замечательных людей Витебщины» посвящена жизни и творчеству витебского художника, участника Великой Отечественной войны Владимира Алексеевича Смерединского.

Книга будет интересна как любителям искусства, так и профессиональным искусствоведам.

УДК 75.071Л(476)+929Смерединский
ББК 85.143(4Бен)

ISBN 978-985-6849-43-8

© Подлипский А. М., Цыбульский М. Л., 2008

© Оформление. УПП «Витебская областная типография». 2008

Художник Владимир Алексеевич Смерединский (1897-1984) был одним из тех, кто впервые послевоенные годы возрождал художественную жизнь в Витебске. Сейчас о нем помнят очень немногие. А это был незаурядный человек и художник, который в искусстве оставил, по ряду причин, след гораздо меньший, чем позволял его талант.

Уроженец села Марьяновки Елизаветградского уезда Херсонской губернии, сын сельских учителей, он в пять лет остался круглым сиротой. Воспитал мальчика старший брат. Смышленный юноша в 1916 году закончил 5-классное городское училище в Елизаветграде и поступил работать маляром на завод Шнявского в этом же городе. В августе 1918 года был мобилизован на «культурный фронт» и стал работать учителем в школе села Марково Елизаветградского уезда. В 1919 году был переведен в Тишковскую семилетнюю трудовую школу, в которой проработал до августа 1925 года. У Владимира с детства проявились способности к рисованию. Поэтому его по разверстке направили в Одесский художественный институт. Одним из любимых преподавателей в институте был профессор Д. Крайнев, который, в свою очередь, тоже выделял Владимира из своих учеников. Дружеские отношения между ними сохранились не только после окончания вуза, но и до самой смерти профессора.

В 1930 году В. Смерединский был приглашен в качестве ассистента на кафедру начертательной геометрии Одесского архитектурного института. А с марта 1932 года стал работать в Сухумском краеведческом музее. Владимир Алексеевич вместе с другими научными работниками принял участие в пешеходной экспедиции по горным аулам Абхазии, собиравшей фольклор. Он сделал несколько десятков рисунков уголков этого живописного края, в котором позднее, уже после войны, неоднократно бывал с семьей.

23 июня 1934 года В. Смерединского приняли на работу, на Киевскую кинофабрику (будущую киностудию имени А. Довженко). Имея специальность «художник станковой живописи», он начинал «маляром-живописцем», но спустя уже два месяца стал помощником художника. А с 19 июля 1935 года Владимир Алексеевич уже работал художником, с 15 января 1938 года — старшим художником-мультипликатором. Самой студии к тому времени было немногим более семи лет. Здесь было снято уже около десяти фильмов, или

эксперименты со звуком и цветом. Это был активный период деятельности на студии и самого Александра Довженко, писавшего сценарии и снимавшего фильмы. Но где, же затерялись «творческие следы» молодого Владимира Смерединского?

1 января 1940 года Владимир Алексеевич стал работать старшим художником-мультипликатором украинской студии «Кинохроника», год спустя его перевели на студию «Киевтехфильм». Здесь художника мультипликационного цеха и застала Великая Отечественная война.

Уже 24 июня Владимир Алексеевич был мобилизован в армию и отправлен в интендантские войска. Первая его военная должность помощник начальника продовольственного пункта станции Киев. В августе В. Смерединский стал командиром взвода отряда особого назначения Юго-Западного фронта. С ноября 1941 года техник-интендант 2-го ранга уже исполнял обязанности начальника финансового отдела 1392-го отдельного санитарного батальона 10-й стрелковой армии, спустя какое-то время — художника политотдела 1692-го отдельного саперного батальона. В мае 1942 года В. Смерединский был откомандирован в Сталинград для участия в создании госпиталя № 2711. Здесь Владимир Алексеевич и познакомился со своей будущей женой Валентиной.

* * *

Валентина Григорьевна Яковлевич (1917-2002) родилась в Витебске в семье служащих. У родителей, кроме нее, был еще старший сын Петр и две младшие дочери — Лида и Нина. Весной 1941 года Валентина и Лида окончили четыре курса Витебского мединститута, а Нина — два. Валентина уехала на практику в Мозырь, где в это время Петр Яковлевич работал первым секретарем Полесского обкома комсомола. Тут их и застала Великая Отечественная война. Возвращаться в родной город не было смысла: хотя немцы находились еще далеко от Витебска, всем было ясно, что вскоре они захватят и его. Петр Яковлевич [1] эвакуировался на Алтай и готов был взять с собой сестру. Но Валентина решила завершить образование. Выехав с братом из Мозыря, она поехала в Сталинград, в котором местный медицинский институт продолжал работать. Сначала ее в вуз не приняли. Но, на счастье, здесь уже оказались два бывших профессора Витебского медицинского института. К одному из них — М. Кашуку — девушка и обратилась за помощью. Он помог. Про-

учившись еще год, Валентина Яковлевич в июне 1942 года закончила ускоренный курс Сталинградского мединститута и получила направление на работу врачом-ординатором в создаваемый в городе Малая Ахтуба под Сталинградом госпиталь. В тот самый госпиталь, в который начальником административно-хозяйственной службы был назначен Владимир Смерединский. «На организационном собрании папа сидел за какой-то девушкой-врачом. Его сразу поразила необычайной красоты цвет ее волос: светлый, словно солома, — вспоминает дочь В. Смерединского Вера. — А когда мама вдруг вернулась назад и папа увидел ее лицо, то влюбился с первого взгляда».

44-летний офицер настойчиво и нежно ухаживал за 24-летней девушкой. Он трогательно и нежно заботился о ее здоровье. Когда, бывало, Валентина Яковлевич сутками не отходила от операционного стола, Владимир Смерединский в минуты ее кратковременного отдыха приносил ей что-нибудь поесть или укрывал шинелью, когда врачу удавалось хотя бы на несколько минут прилечь. «Папа был достаточно красив и очень нравился женщинам, — вспоминает Вера Владимировна. — То, что он в таком большом женском коллективе отдал предпочтение именно ей, маме тоже было очень приятно. Так что неудивительно, что, в конце концов, она ответила взаимностью, и родители в 1943 году поженились». Владимир Смерединский был старше жены ровно на 20 лет. Однако это нисколько не мешало им прожить в любви и согласии всю оставшуюся жизнь — 42 года. В семейном архиве, тщательно собираемом Валентиной Григорьевной, сохранились десятки их писем друг к другу военных лет. Они представляют собой уже не только своеобразный документальный памятник военных лет, но и свидетельство нежной, трогательной и счастливой любви двух людей, разлученных ненавистной войной. Эти письма заслуживают, без сомнения, того, чтобы воспроизвести их все целиком. Но приведем только незначительную их часть.

28.12.42г. Здравствуй, Володенька! Вчера получила твое письмо <...> Я восхищаюсь твоим умением жить и работать. Заранее знаю, что раз ты поставлен на участок строительства, то там будет все в порядке. Только жаль, что ты переутомляешься работой. Ведь тебе надо работать всегда больше всех. Это неотъемлемое качество твоего характера. Странное сочетание в тебе то, что ты, такой строгий и требовательный в работе, можешь быть таким нежным и ласковым в вопросах интимного порядка. Это делает тебя еще более привлекательным для меня <...> До свидания. Целую. Валя.

Автопортрет (1943 г.)

Портрет жены (1943 г.)

Март 43 г. Славная Валюша! Мне очень хочется тебя видеть и вручить подарок. Жаль, что он лежит у меня без действия, а тебе бы очень пригодился... Передавать кем-либо так не хочется. Эти вещи только можно передавать из рук в руки <...> Сейчас еще готовлю тебе подарок, правда, дешевенький. Но это будет как память от меня. Как хочется тебя видеть, прижать к груди твою белокурую голову и перебирать рукой пушистые ласковые локоны. Тебе шлю, моя хорошая, все лучшие пожелания, и единственно, чего хочу, — это видеть тебя. Жду этой встречи, милая, хорошая девочка. Твой Володя.

30.8.43г. Любимый Володя! Перешла жить в общую с Т. Д. комнату, уступив нашу прежнюю отдельную комнату Павловне. Мне жаль было с ней расставаться потому только, что с ней связаны воспоминания о счастливых минутах... Теперь о работе. Работы много. 28 августа «летучкой» нам привезли 170 раненых, из них половина средней тяжести или таких, у которых срок излечения около 24-х или больше месяцев. Перед этим нам дали 120 раненых <...> Был один смертельный случай больного, переведенного из нашего 4-го отд(еления). Это большая неприятность, которая для меня этим еще и не окончится. Больной был очень тяжелый. Я все время думала о проникающем ранении в живот, а у него была газовая инфекция. Вот когда я ощутила неудобство того, что совершенно не с кем посоветоваться <...> Теперь о личном. Милый Володенька, страшно соскучилась по тебе. После долгого дня иду домой и вечер не сулит мне надежды на теплую встречу <...> Жизнь была более интересной, если бы согревала грудь надежда на скорую встречу с тобой. Милый! Как хочется прижаться к твоим милым губам, долго не отрывая своих губ. До свидания, родной, хороший Володя.

1.9.43. Родная, милая Валюша! Сколько радости и счастья приносят мне твои

простые, доходчивые до сердца слова. Ведь только темя живу, что ты, моя родная, поддерживаешь во мне надежду на счастье, которое даришь мне. Все мои мысли, все мои лучшие чувства принадлежат тебе... Твой Владимир.

28.12.43 г. Любимый мой! Прошло только каких-нибудь 4 дня после твоего приезда ко мне. 4 дня, как ты уехал, а я уже снова и снова считаю дни, тороплю их в своем воображении. Мне кажется, что каждый лишний день, прожитый без тебя, приближает день встречи. Знаю, что не время сейчас отдаваться чувству меланхолии и тоски. Знаю, что для того, чтобы быть не просто женщиной, а советской женщиной, да еще будучи на военной службе, нужно осушить слезы, нужно отойти от всего личного. Но, если бы знал ты, как тяжело мне одной. Жизнь без капли радости, без теплого слова <...> Володя, скоро освободят мой Витебск. Как жду я этого момента и радуюсь заранее...

19.1.44 г. Милая, родная моя Валюша! <... > Пришел я из кино, которое было на бронепоезде. <-... > Вспомнилось, как мы с тобою в Сталинграде сидели рядом со скрытым чувством нарождающейся любви. Сегодня, одинокий, забившись в уголок, я почти не видел картины, ибо мысли о тебе захватывали все мое существование, и, еле дождавшись конца, поспешил домой написать тебе письмо. Мне хочется писать, вспоминая подробно сталинградские августовские дни 1942 г., желтеющие листья на деревьях, яркое солнце и такие же яркие волосы, красиво лежащие крупными волнами на твоей голове. Какая-то особенная женственная скромность приятно гармонировала с эффектной гибкой фигуркой. Все это невероятно влекло, внешне была робость, а внутренне росла и крепла уверенность в том, что мы будем близки и что возникнут обязательно чувства сильные, не знающие преград. Так все вышло, как подсказывало внутреннее желание. Ты мне раньше часто говорила о том, что я был вначале более склонен к В. Я., но это не так, ибо в лунную ночь на балконе клуба ты не могла не почувствовать моего стремления к тебе, желания сделать много приятного как самому дорогому и близкому другу. Я знал и видел, что и с твоей стороны была благосклонность. Ведь, если бы этого не было, ты бы могла кому-нибудь другому передать билет в театр <...>, но ты выбрала меня, и принял я этот жест с большой радостью и благодарностью к тебе.

12.2.44. (Из госпиталя) Родная моя, любимая Валюша! Снова и снова вечер одиночества, когда не знаешь, куда себя девать, чем заполнить пустое пространство времени <... > Судя по разговорам врача, еще не скоро отсюда выпишут. Как мне уже тут надоело, и как я скучаю по тебе. Единственным утешением будет то, что после пребывания тут я получу отпуск на несколько дней и эти дни я буду у тебя. Поэтому я все перетерплю, лишь бы встретиться с тобою, быть у тебя. Самое ценное у меня, ценнее моей жизни, — это ты. Поэтому

так хочется все сделать для тебя, все отдать для тебя. Меня очень волнует твое состояние, и я часто думаю о тебе, и последний разговор в палатке, когда ты сказала, что прыгнула; я боюсь за тебя. Как бы мне хотелось, чтобы ты сейчас не работала. Это тебе так необходимо, у тебя организм слабый. Поэтому его сейчас нужно крепить, как никогда <...> Этот госпиталь оборудован очень хорошо, в прекрасном помещении, и если бы не тоска по тебе, то здесь можно было бы лечиться, но я не добуду срока, уеду к тебе, хотя и оставляет администрация на время нарисовать портреты вождей!<... >Я представляю себе, в каких трудных условиях тебе приходится работать и как тебе тяжело и все тяжелее становится работать. Ты, наверное, очень устаешь? Ну, когда же, когда мы будем вместе, когда, наконец, я смогу смотреть, лелеять мою любимую и дорогую, когда я буду непрерывно возле тебя, не тосковать по тебе? Радость моя, счастье мое, любимая моя Валечка, когда, родная моя, мы будем вместе ?

4.3.44г. Мой милый Володя! Ты огорчаешься, что пропал мой дневник. Это ничего, любимый. Я решила писать тебе частые письма. Это будет нечто похожее на дневник, только в другом роде. Это будет хронология чувств. Заранее прошу извинить за их нестройность, и, может быть, излишнюю откровенность...

21.4.44. Любимая, желанная Валечка! Ни одного письма еще от тебя не получил, а все время жду его <... > Справлялся о вас, сказали, что на месте. Я еще <... > никак не могу вырваться, не отпускают, пока не приедут хозяйственники. Стоим у самого берега Днестра. Слышна очень близко канонада. Видим, как бомбят переправу. Встретил тут своего друга-художника, очень много вчера говорили с ним. И так стало как-то тепло на душе, когда поделились впечатлениями. Много художников в армии, есть убитые среди товарищей! Заканчиваю. Спешу. До свидания, любимая. Твой Володя.

22.5.44 г. Родной и любимый Володя! Письма твои я получила, тебе написала 3 письма на адрес твой прежний, не знаю, переишлют ли их тебе <...> Госпиталь наш погрузился, но еще не полностью, очевидно, не сегодня-завтра (нас) должны послать. Уже неделя, как мы стоим на месте. Самочувствие мое хорошее, настроение тоже ничего. Теперь я уже твердо верю, что мы с тобой встретимся. Это для меня самое главное. Ждать я уже привыкла, и, пока во мне будет жить надежда в то, что твое чувство ко мне останется неизменным, я, невзирая ни на что, буду считать себя самым счастливым человеком.

Портрет жены В. Г. Яковлевич (1948 г.)

Портрет жены с книгой (середина 1950-х гг.)

Портрет жены на фоне зимнего пейзажа (1949 г.)

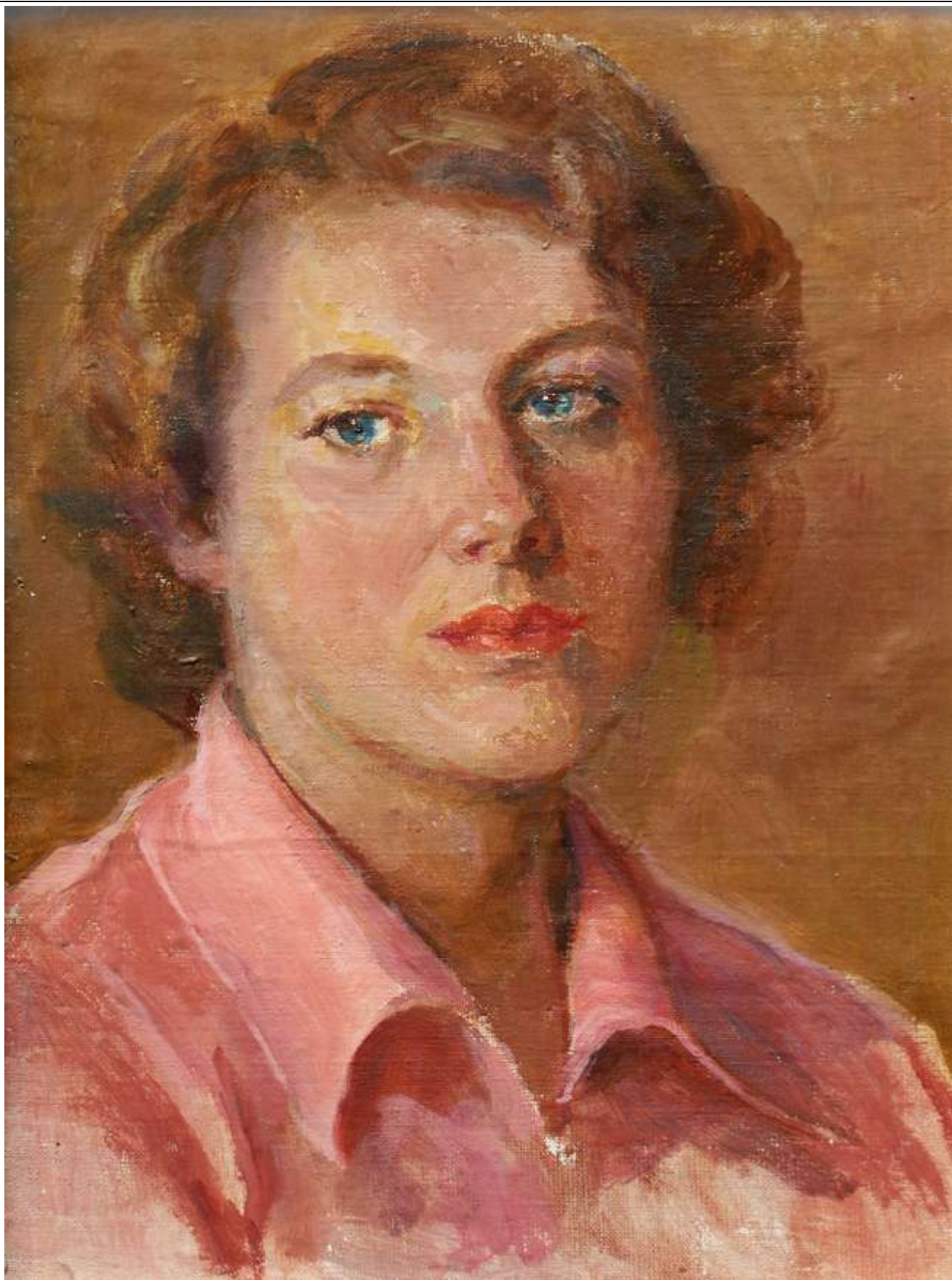
Портрет жены (1964 г.)

Портрет жены (1970-е гг.)

Ученица. Портрет дочери (1958 г.)

Портрет дочери (1977 г.)

Пионы. Натюрморт (первая половина 1960-х гг.)

Если бы ты знал, сколько любви во мне к тебе и какое место в моей жизни занимаешь ты; ни трудная обстановка, ни месяцы войны не притупляют, не очерствляют мое сердце. Я так же свежо и нежно люблю тебя сегодня, как вчера, как год тому назад.

А разлука еще острее подчеркивает мою привязанность и любовь. Любовь твоя согревает и поддерживает одинокую душу. Как мне мил каждый уголок, где ты был. Как-то вечером прохаживалась по перрону станции с Городецкой. Мы проходили мимо полуразрушенного здания, где были палаты Эвакуационного госпиталя, где лежал ты, где было проведено с тобой несколько горестных и в то же (время) счастливых часов, потому что мы были тогда вместе с тобой. Этого воспоминания было достаточно для того, чтобы я перестала слушать рядом идущую Городецкую и отдалась во власть воспоминаний. Эти стены, асфальт мне показались родными. Нежностью наполнилось мое сердце. Здесь все так же, только деревья распустились и прикрывают своими шапками стены вокзала. Пиши, родной мой, любимый мой, о своей жизни. Ведь твоя жизнь ~ это моя жизнь. Нет ни одного часа, в течение которого я бы не вспоминала тебя. Целую тебя крепко. Валя.

12.8.44. Моя хорошая, родная Валюша! Два дня я лежал с высокой температурой, и сегодня чувствую себялучше. Сегодня получил твое письмо от 26.7.44<...> Сегодня посылаю тебе одну справку по стандартной форме и мою записку в ЗАГС о выписке на мое имя дочурки. Думаю, что это будет достаточно для этой процедуры. Мне оченьхотелось бы, чтобы ты сфотографировалась с дочуркой и мне выслала фотографию. Ты напрасно рано начала вставать с кровати, это может отрицательно отразиться на здоровье. Вообще, нужно к себе более внимательно относиться, чем это было до сих пор <... > Милая Валюша, поцелуй за меня дочурку и скажи ей, чтобы быстро росла и меньше беспокоила дорогую мне маму. Поправляйся скорее и больше бывай на воздухе. Узнай в детской консультации, нет ли для матерей новорожденных столовой, чтобы можно было там тебе питаться. До свидания, родная. Целую крепко-крепко. Володя.

Дальнейшие военные пути-дороги Владимира Смерединского были также связаны с интендантской службой. С октября 1943 года по май 1944 года он помощник начальника по материальному обеспечению эвакоприемника № 54 8-й гвардейской армии, затем (по июнь 1945 года) — помощник начальника по материальному обеспечению хирургического полевого передвижного госпиталя № 2070. За

время службы был дважды ранен: под Харьковом в левую ногу и под Сталинградом — в левую руку. А в Германии, под городом Ландсбергом, получил тяжелую контузию. Лейтенант В. Смерединский был удостоен ордена Красной Звезды (28 мая 1945 г.), медалей «За оборону Сталинграда» (22 декабря 1942 г.) и «За победу над Германией» (7 мая 1946 г.) [2].

Вторую половину 1945 года Владимир Алексеевич провел в армии, с нетерпением ожидая, когда сможет снять военную форму. В это время он исполнял обязанности начальника подвижного терапевтического госпиталя № 2711 8-й гвардейской армии. Вот его служебная характеристика. «Тов. Смерединский в эвакуприемнике № 54 с 17.12. 43 г. по 5. 2. 44 г. в должности начхоза довольствия показал себя как заботливый и настойчивый в работе командир. Среди товарищей всегда пользовался авторитетом. Дисциплинированный. Принимал активное участие в общественной жизни части».

В. Смерединский (первый слева) с боевыми друзьями. 1945г.

31 января 1946 года лейтенант В. Смерединский был, наконец, демобилизован. Он сразу отправился в Витебск, где уже полтора года с нетерпением ожидали его родные: не только жена, но и маленькая дочь. Верочка Смерединская родилась 22 июля 1944 года в только что освобожденной от немцев Одессе. За месяц до родов Владимир Алексеевич отправил жену в сопровождении ординарца в этот город

только потому, что здесь проживал его бывший преподаватель по Художественному институту — профессор Д. Крайнев. Именно ему он доверил судьбу жены и ожидаемого ребенка. Роды проходили ночью в подвале роддома в настоящей военной обстановке: немцы еще бомбили город. В нем оказалось не только еще опасно, но и голодно. Поэтому молодая женщина вскоре после родов перебралась с ребенком в деревню Крыжополь, сняла там комнату. А как только немного оправилась, сразу написала в недавно освобожденный Витебск: всю войну она ничего не знала о судьбе матери и сестер. «Моя бабушка Мария Николаевна, мать мамы, большую часть немецко-фашистской оккупации вместе с двумя младшими дочерьми прожила на хуторе, на границе Беларуси и Смоленщины. Хотя они сильно голодали, но остались в живых. А как только Витебск освободили, вернулась в родные места, поселились в землянке, — вспоминает Вера Владимировна. — Она, как и мама, всю войну ничего не знала о судьбе старшей дочери и сына. Работа почты в первые месяцы после освобождения Витебска только налаживалась. Одно (или даже единственное тогда) почтовое отделение размещалось в здании бывшего женского духовного училища на Духовской горе (ныне в нем облисполком). Почти весь город был разрушен: ни улиц, ни домов. Люди жили, где придется. Доставлять корреспонденцию по старым адресам тоже было бессмысленно. Поэтому ежедневно в определенное время у этого здания собирались тогда еще немногочисленные витебляне, чтобы узнать о поступившей корреспонденции. Почтовые работники называли адресатов по фамилиям и именам. Вместе с другими жителями города сюда ежедневно в надежде получить весточку от своих детей приходила и Мария Николаевна. Однажды ей повезло: неожиданно услышала свою фамилию и имя. От радости бабушка даже забыла про свой старый пиджачок (единственное, что у нее к тому времени осталось из одежды), на который она присела в ожидании почтальона. Письмо было от старшей дочери. Из него Мария Николаевна и узнала, что Валентина живет неподалеку от Одессы и что уже стала матерью, а она — бабушкой».

Несмотря на все трудности военного времени, эта уже немолодая женщина поехала за дочерью и внучкой. Добиралась в товарных вагонах, неоднократно пересаживалась из одного поезда в другой. Какая была их встреча, нетрудно догадаться. Собрались быстро и

отправились в разоренный Витебск. Сначала поселились в бабушкиной землянке. А через несколько месяцев Яковлевичам дали небольшую комнату в одноэтажном кирпичном доме на улице Чайковского. В ней жили шесть человек: Мария Николаевна, Валентина Григорьевна с Верой, Лидия Григорьевна с сыном Геннадием и еще незамужняя, самая младшая из сестер — Нина. Именно сюда в конце ноября 1944 года почтальон принес очередное письмо от В. Смерединского. Владимир Алексеевич обращался к теще, которую никогда не видел в глаза: «Дорогая и уважаемая Мария Николаевна! Как я рад, что мои любимые Валечка и Верочка благополучно приехали к Вам. Благодаря Вашим заботам и любви к Валечке, они хорошо приехали в Витебск. Знаю, что очень много Вы лично испытали трудностей. Но то, что они у Вас, это морально поддерживает Вас. Как хочется расцеловать Вас за то, что Вы отважились поехать в это тяжелое время (на) такое большое расстояние по незнакомым дорогам и вывести Валечку с дочуркой из чужих мест в родные края, по которым Валечка так тосковала и волновалась, переживая за всех Вас, близких и дорогих. Она сейчас счастлива, и я это счастье разделяю с ней. Думаю, что своим поведением и любовью к Валечке и дочурке снискаю у Вас к себе благосклонность. Примите, дорогая Мария Николаевна, мою глубокую благодарность и уважение за все заботы и любовь к моим дорогим и любимым. Пишите мне. Буду ждать Ваших писем так же, как и письма Валюши. Ваш Владимир»,

Валентина Григорьевна вскоре после приезда в Витебск пошла работать: жить было трудно, а врачи в залечивающем раны городе были очень нужны. Первым местом работы В. Яковлевич стал кожно-венерический диспансер. Квалифицированный и энергичный врач быстро обратила на себя внимание. И вскоре Валентину Григорьевну назначили главным врачом санатория в деревне Луки Витебского района. Очень красивое место на берегу Западной Двины нравилось ей необыкновенно. И кто знает, может быть, Валентина Григорьевна здесь проработала бы всю жизнь. Но в 1951 году дочери исполнилось семь лет, надо было идти в школу. В Луках ее не было. Поэтому Валентине Григорьевне поневоле пришлось оставить санаторий и перебраться в Витебск. Она получила даже повышение: должность главного терапевта отдела здравоохранения облиспол кома. Проработала в ней несколько лет. Но административная работа не пришлась по душе, хотелось быть действующим врачом. Ее не

отпускали, долго уговаривали остаться. Но она настояла на своем... В итоге оказалась на рядовой работе: участковым врачом городской поликлиники имени Ленина. В этом качестве В. Яковлевич проработала 17 лет, лучших, по ее собственному мнению, лет профессиональной деятельности.

Портрет М. Н. Яковлевич (1946 г.)

А Владимир Алексеевич в Витебске вернулся к своей гражданской профессии. «После демобилизации из армии я приехал в Витебск, и, конечно же, в первую очередь — это знакомство с городом, — вспоминал В. Смерединский, — Зима 1946 года была холодная. Впечатление в результате осмотра города оказалось тяжелое. Вместо домов я обнаружил груды развалин. «Город-кладбище, покинутый людьми», — так подумал я.

Наступило лето, люди зашевелились. Я начал искать в городе хотя бы одного художника. Ходил по улицам, продолжал знакомство с разрушенным городом.

Однажды, проходя по улице Ленина, через скверик (у площади) я вышел к большому полуразрушенному дому и начал его внимательно рассматривать. И вдруг неожиданно из полуразрушенного проема дверей здания появился человек, сел на ступеньки крыльца и начал рисовать. Я заинтересовался, подошел поближе и незаметно стал наблюдать за его работой. Падающая от меня тень заставила рисующего обернуться. И я увидел худое, изможденное лицо человека, живущего, очевидно, в большой нужде. Мы познакомились. Он назвался Дзежицем, художником Витебска. Он был удивлен, когда узнал, что я тоже художник, хотя и не снявший еще военной формы

после демобилизации из армии. Так у нас состоялся разговор в теплой, доверчивой форме, который продолжался не менее двух часов».

Это знакомство сыграло, вероятно, какую-то роль в судьбе Владимира Алексеевича, ибо 7 сентября 1946 года он стал работать художником в Витебском областном отделе искусств. А позднее, 15 мая 1947 года, был переведен в этом же качестве в только что созданные Художественно-производственные мастерские [3]. В этот же день вместе с ним были приняты на работу такие впоследствии известные в городе художники, как И. Болтович, В. Дзежиц, В. Кухарев, М. Михайлов. С 3 июня 1948 года в мастерские приняли и П. Явича. В мае 1948 года при создании Союза советских художников Владимир Алексеевич был утвержден сроком на один год кандидатом в его члены, хотя позднее им не стал. Почему? Сейчас никто уже не знает. Скорее всего, просто он не стремился к этому, предпочитая быть художником по призванию.

Документы Государственного архива Витебской области скупо отражают этот период жизни и творчества Владимира Алексеевича. Известно, что с 5 по 9 декабря 1948 года он ездил в служебную командировку в Минск с целью отвезти работы витебских художников на республиканскую художественную выставку, посвященную 30-летию БССР. В семейном архиве Смерединских сохранился такой документ: «Удостоверение. 7. 4.1948 г. Предъявитель сего художник Смерединский В. А. действительно работает по заданию Управления по делам искусств при Совете Министров БССР над этюдами и зарисовками к художественной выставке, посвященной 30-летию БССР. Удостоверение дано на право работать над пейзажами и зарисовками мест исторических событий Советской Армии и партизан, разрушенных зданий и восстановлением промышленности и сельского хозяйства на территории Белорусской ССР. Просьба ко всем учреждениям оказывать тов. Смерединскому В. А. содействие в его работе. Действительно по 31 декабря 1948 года». Кстати, во время командировок заведующего мастерскими В. Смерединскому нередко приходилось исполнять его обязанности [4].

По воскресеньям и в праздничные дни художник регулярно посещал жену и дочь в Луках. Приезжал он к ним на собственном транспорте: немецком трофейном велосипеде, большой, кстати, редкости в те годы. Этот велосипед был получен в подарок. В

семейном архиве и до сих пор хранится такая справка: «Дана лейтенанту в. ч. 89567 Смерединскому Владимиру Алексеевичу в том, что ему выдан частью как подарок велосипед № 472447 марки «Альма». 21 октября 1945 г.». Получая его перед демобилизацией, офицер и не догадывался, насколько велосипед ему вскоре пригодится...

«Воскресенья, когда вся семья собиралась вместе, были для каждого из нас самыми радостными днями, — вспоминает В. Гернец-Смерединская. — Я помню, как все мы ждали их. И какую радость я и мама испытывали, увидев отца. Родители очень любили природу. Поэтому запомнились частые прогулки по лесу. Впрочем, это были не просто прогулки, а самая настоящая учеба. Отец не упускал случая, чтобы показать мне различные деревья и полевые цветы, рассказывал о них. Показывал птиц и животных. Мы особенно любили слушать птиц,, собирать ягоды и грибы (и здесь не обходилось без учебы: отец незаметно для меня учил, какие грибы можно собирать, а каких следует бояться, как их следует отличать друг от друга). Эти уроки помню до сих пор».

Г. Яковлевич в Луках (1948г.)

Летом 1949 года в Витебске открылось Художественно-педагогическое училище. Именно туда и решил перейти В. Смерединский и 20 августа 1949 года стал преподавателем этого учебного заведения. «Он был доброжелательным, требовательным, интеллигентным, физически крепким и обязательным человеком, который много сделал для своих студентов, — вспоминает бывший ученик В. Смерединского, первый проректор ВГУ в 1978-1994 годах, кандидат физико-математических наук, доцент А. Орещенко. — Память восстанавливает некоторые эпизоды из тех дней далекого прошлого. Открытие нашего училища было радостным и заметным событием в жизни города, да и республики тоже. Настолько, что его даже показывали в кино.- Съемки нашей группы были вмонтированы в киножурнал. Владимир Алексеевич так хорошо подготовил мастерскую (класс), удачно расставил нас, что кинооператор имел возможность показать не только общее обозрение мастерской с группой студентов за мольбертами, но и некоторых из нас. Потом мы с гордостью смотрели эти кадры в единственном тогда в городе кинотеатре — «Спартак». А вот что вспоминает другая ученица В. Смерединского В. Новикова (Павлова): «Как педагог Владимир Алексеевич не только умел грамотно объяснить непонятное, своевременно дать совет, но и лично сам брал кисть, исправлял, помогал, учил, как надо писать. Он всегда старался поддержать ученика, похвалить. Мы в большинстве своем тогда были совсем еще детьми, очень старались учиться, любили, уважали и боялись нашего учителя. Мне лично казалось, что его большие карие глаза видят каждого насквозь. Он, как настоящий художник, был наблюдательным, по-отечески заботливым и чутким. Помню, однажды он даже «выбил» для меня путевку в дом отдыха: видимо, к этому его побудил мой бледный и хрупкий вид... Не чужд был наш учитель и чувства юмора. Когда мы на занятиях жаловались, что темно и тучи на небе, отвечал вполне серьезно: «Сейчас возьму длинный шест, залезу на крышу и буду тучи разгонять».

А вот что вспоминает о своем учителе М. Романовская: «Владимир Алексеевич учил студентов внимательно относиться к натуре, скрупулезно прорабатывать детали. Он не советовал оставлять работу незавершенной. Студенты не пропускали занятий без уважительных причин, так как наш учитель был куратором группы и воспитывал ответственное отношение к учебе. Владимир Алексеевич всегда видел в каждом из нас лучшие качества, с его помощью мы

учились понимать творчество великих мастеров, внимательно изучали особенности их произведений. Образцом служили художники витебской художественной школы, которые завоевали авторитет в мире искусства». А вот что среди прочего запомнилось о В. Смерединском бывшему ректору Витебского пединститута, профессору В. Виноградову: «Я занимался в подгруппе В. Дзежи-ца, но хорошо знал Владимира Алексеевича как открытого и очень доступного преподавателя и человека. Особенно привлекало нас, деревенских ребят и девочек, высокое мастерство В. Смерединского в фотографии. Его фотоаппарат на треноге, процесс обработки фотопластин и печатания снимков нас просто завораживали. И мы этому тоже учились у него...»

Документы Государственного архива Витебской области дают хотя скупое, но достаточное представление о педагогической деятельности В. Смерединского. Он, как правило, упоминается среди лучших преподавателей, воспитателей и классных руководителей. Отмечалось также, что он «к своим обязанностям относится добросовестно, ведет кружок по фотографии». На заседании педагогического совета 25 сентября 1950 года Владимир Алексеевич сказал: «Классным руководителям следует вести постоянную разъяснительную работу среди поступающих учащихся, знакомить учащихся с их будущей профессией. Особое внимание (необходимо) уделить изучению материального положения учащихся. Многие из них очень плохо устроились на квартире, где можно лишь только поспать и нет никаких условий для учебы, особенно для занятий рисованием и черчением. Отдельные учащиеся не имеют одежды, средств для питания. Следует изучать их условия жизни и оказывать помощь через профком, следить за посещаемостью, организовать обслуживание врача» [5]. Сейчас с интересом смотрятся некоторые фотографии из семейного альбома Смерединских. Те, например, которые запечатлели то, в каких условиях учили и учились тогда. На одной из этих фотографий изображены расставленные самодельные столы у здания училища на тогдашней улице 1-й Ветеринарной (ныне 1-й Доватора). За ними на таких же самодельных скамейках сидят девушки и юноши, их учителя. Так проходили занятия в теплую пору года — весной и летом. Сказывалась острая нехватка классных комнат, ведь в одном здании учились (в несколько смен) не только будущие художники, но и учащиеся СШ № 15.

«С Владимиром Алексеевичем мы вместе часто выступали на сцене: пели дуэтом украинские песни, — вспоминает один из старейших художников Витебска Г. Кликушин. — Он был хорошим семьянином, очень любил свою жену и дочь, любил сам готовить еду, всегда носил с собой портфель, похожий на саквояж, набитый продуктами, которые покупал на рынке. Преподаватели всегда подшучивали на этот счет. Владимир Алексеевич нередко спорил с другим преподавателем училища — А. Корсаковым. Предметом их спора была методика преподавания рисунка. Один из них утверждал, что рисунок надо начинать с построения, другой — что с восприятия: дескать, рисуй, как видится, как ощущаешь предмет».

Педагогической работал Художественном училище, а потом на художественно-графическом факультете пединститута В. Смерединский отдал восемь лет. Человек независимых суждений, не умеющий и не желающий подстраиваться под чьи-то взгляды, он нравился далеко не всем руководителям. Случались большие и малые конфликты, в которых Владимир Алексеевич не любил уступать. Поэтому, когда в 1957 году ему исполнилось 60 лет, он решил уйти на пенсию и целиком отдать себя семье. Учитывая заслуги В. Смерединского на поприще народного образования, 15 января 1958 года он был награжден почетным нагрудным знаком «Отличник народного образования».

В. Смерединский с учениками

«Отца помню с тех пор, как он вернулся из армии. Я тогда была еще совсем маленькая. Но не забыть того, как он взял меня на руки (до этого ведь еще ни разу дочь не видел!) и долго-долго целовал, а потом подбрасывал и ловил. В памяти остались и его крепкие, надежные руки, — рассказывает В. Гернец-Смерединская. — Папа был, что называется, семейным человеком: дом и семья являлись для него самым главным в жизни. Тщательно следил за питанием всей семьи. Сам любил ходить на рынок или в магазины покупать продукты. С увлечением занимался кулинарией, приобрел книгу о вкусной и здоровой пище и тщательно ее изучил. Особенно ему удавались торты. Причем он их очень красиво оформлял: чувствовалась рука и вкус художника. Всегда любил принимать гостей, тщательно к этому готовился. Причем главным было не то, что находилось на столе (хотя и стол с его участием всегда был достаточно красивым), а беседы. У нас в гостях всегда были интересные, незаурядные люди, с которыми отцу и маме было приятно поговорить. Прежде всего — об искусстве и литературе. Это были не просто застолья, а скорее, духовное общение, где различные напитки и еда являлись не главным, а второстепенным, естественным приложением встреч. Я тоже очень любила такие вечера, с интересом слушала и то, о чем говорили или спорили взрослые. Отца, кстати, очень любили и мои одноклассники: он к ним относился с уважением, как ко взрослым, любил с ними общаться.

Выйдя на пенсию, отец не только занимался творчеством, но и любил путешествовать. Всей семьей мы объездили все южное побережье Крыма и Кавказа, Прибалтику. Каждая из ежегодных поездок тщательно готовилась и фиксировалась фотоаппаратом, а потом обязательно оформлялись специальные альбомы, которые он подписывал своим четким, художественным почерком. Их и до сих пор сохранились десятки. Во время южного отдыха у нас обязательно была какая-нибудь познавательная программа, например, Никитский ботанический сад, музеи городов. Однажды мы из Ялты в Одессу плыли на теплоходе «Адмирал Нахимов», на том самом, судьба которого закончилась так трагически. Отец поддерживал самые тесные контакты с друзьями молодости и однокашниками: главным архитектором Одессы Корченовым и московским профессором Ладуром.

Еще одной его страстью была техника. Отец много лет выписывал журналы «Огонек», «Техника — молодежи», «Знания —

сила», прочитывал их от корки до корки. Любил что-то мастерить. Сам сделал чертежи и по ним первым в городе изготовил катамаран — настоящее чудо для тогдашнего Витебска. Он не только любил сам покататься на нем по Западной Двине, но и покатать других. Потом вместе с инженером Краснолобовым изготовил дюралевую лодку, к которой прикрепил мотор. Когда собирались на отдых в Мазурино, отец на ней всех туда вывозил. А поскольку сразу всех взять было невозможно, то делал несколько рейсов: сначала туда, а потом назад, в Витебск. Меня воспитывали в строгости, особенно в детстве. Следили за моим здоровьем, настояли на том, чтобы я постоянно занималась каким-либо видом спорта. А про учебу уже и не говорю. Гулять в юношеском возрасте разрешалось только до 11 часов вечера. Даже когда уже я вышла замуж и вместе с мужем ходила на последний сеанс в кино, заканчивавшийся около полуночи, отец был очень недоволен, хотя и молчал. За успеваемостью в школе он следил очень строго. Всегда вместе с мамой, а иногда и без нее, ходил на родительские собрания. Родители, как правило, усаживались в классе на первую парту и тщательно записывали все, что говорили учителя.

После ухода на пенсию творчеством занимался только по вдохновению. У него в жизни и без этого хватало увлечений, которым он отдавался не только со всей страстью, но и ответственностью, присущей этому человеку всю жизнь. Когда приходило вдохновение, писал портреты, в основном, родных и знакомых. А потом их раздавал, дарил, совсем не задумываясь о том, что в квартире своих собственных работ остается не так уж много. К счастью, жена и дочь В. Смерединского сохранили их. Да и в некоторых витебских семьях бережно хранятся портреты кисти Владимира Алексеевича. Очень любя творчество И. Шишкина, он часто писал копии любимых работ художника, также дарил их знакомым и друзьям».

О творчестве В. Смерединского рассказать непросто потому, что едва ли можно составить целостную картину по немногим сохранившимся работам разных лет. И вместе с тем, стилистика дошедших до нас произведений, особенности организации образности, принципы композиционного построения, характер живописного языка позволяют судить об основных тенденциях эволюции творческой манеры этого художника.

Очевидно, что взгляды на искусство и творческие приоритеты

В. Смерединского во многом определились во время его учебы в Одесском художественном институте (ОХИ). Стоявшая у истоков этого учебного заведения Одесская школа рисования и черчения была преобразована в художественное училище (ОХУ) еще в конце XIX века (точнее — в 1899 г.). Поскольку художественных вузов на Украине до революции не было, Одесское художественное училище (наряду с Киевским и Харьковским) уже тогда занимало особое положение в системе художественного образования. В 1924 году Художественное училище в Одессе в результате реорганизации было переименовано в Политехникум изобразительных искусств, а позднее — в Художественный институт [6].

Когда Владимир Смерединский поступил учиться в Одесский художественный институт, он (вместе с московским ВХУТЕМАСом) по праву считался лучшим учебным заведением в стране. Здесь особо уважали и ценили профессиональное мастерство. Несмотря на господствовавшую в Одессе свободу и атмосферу творчества, формалистические эксперименты в живописи там были значительно менее распространены, чем в Москве.

В Одесском художественном институте В. Смерединскому довелось учиться у Д. Крайнева — одного из старейших педагогов, уже в начале XX века работавшего в училище. В середине 1920-х—начале 1930-х годов в этом учебном заведении преподавали художники, творческая многогранность которых удачно сочеталась с высокой живописной культурой и профессионализмом. За плечами у большинства была учеба в художественных академиях России и Европы. Живопись и графические дисциплины преподавали выпускники Петербургской Академии художеств А. Шовкуненко (с 1926 года преподавал в Одесском политехникуме изобразительных искусств, с 1929 п.-в ОХИ, с 1935 г. - профессор), А. Гауш (профессор ОХИ и ОХУ в 1928-1938 годах), Ю. Бершадский (с 1928 года — преподаватель, с 1933 года — профессор ОХУ), обучавшийся в начале XX века в Мюнхенской Академии искусств А. Ашбе, прошедший школу Парижской Академии Т. Фраерман, выпускник Краковской Академии изящных искусств М. Жук, ученик В. Фаворского М. Муцельмахер и др. Учеба и общение с такими мастерами уже сами по себе были для молодого дарования удачей...

Да и сама жизнь в Одессе, бывшей ещё недавно четвертым городом России и приметным европейским городом, много значила для

постигающего азы искусства художника. В начале XX века художественные выставки и салоны были неотъемлемой частью культурной жизни Одессы, которая по насыщенности их не уступала Петербургу, Москве и даже Парижу! В Художественном музее Одессы имелись великолепные коллекции искусства от античности до самых последних художественных веяний в области живописи, графики, скульптуры. Они, естественно, были доступны Владимиру Смерединскому, как и любому студенту Художественного института. А в библиотеке последнего хранилась великолепная коллекция альбомов репродукций произведений мастеров разных стран.

Именно под влиянием традиций одесской живописной школы и творчества ее лучших представителей, связавших свою судьбу с деятельностью Одесской рисовальной школы, Художественного института, и происходило формирование живописного видения Владимира Смерединского.

Одесская школа живописи, которая в российском искусствоведении получила ещё название «южнорусской», несмотря на недостаточную изученность, — особое явление, в котором тесно переплетены русская и украинская живописные традиции. В разное время своим творчеством ее формированию способствовали И. Айвазовский, В. Верещагин, И. Репин, К. Костанди, Г. Ладыженский, Р. Судновский, М. Врубель, Л. Пастернак, И. Бродский, П. Волокидин, Н. Альтман, Д. Бурлюк, А. Шовкуненко. И хотя основы этой школы были заложены еще в 1890 году «Товариществом южнорусских художников», которое разделяло творческие идеи русских передвижников, окончательно понятие «одесская школа живописи» оформилось лишь в конце 1960-х — начале 1970-х годов.

Как и большинству воспитанников одесской школы живописи, В. Смерединскому в целом были свойственны высокая живописная культура, светоносность письма и колористическая утонченность, стремление передать неповторимость состояния модели... Анализируя работы художника послевоенного периода понимаешь, что, сопоставляя полотна представителей одесской живописной школы с картинами французских импрессионистов, многие исследователи совершенно не случайно отмечали их стилистическую близость, насыщенность солнечным светом и морским воздухом, наличие тончайших оттенков и полутонов.

Вероятно, и присущая Владимиру Смерединскому увлеченность

портретной живописью во многом была predetermined учебой в Одесском художественном институте, у педагогов которого этот жанр пользовался особой популярностью. Многие из выпускников этого художественного заведения впоследствии посвятили себя портрету и стали известными портретистами.

Общеизвестно, что портрет — один из самых сложных жанров. Он требует не только чисто технического, ремесленного мастерства в передаче внешнего сходства, но и умения понимать и отображать образ во всем многообразии его эмоционально-психологических характеристик. Рассматривая портреты, написанные Владимиром Смерединским, понимаешь, что решение этих задач было целиком в рамках творческого потенциала художника. Он не только замечательно владел рисунком, живописной пластикой, но и тонко чувствовал изображаемую модель. Этому во многом способствовало и то, что большинство портретируемых были членами семьи художника, его родственниками или друзьями. Действительно, В. Смерединский портретировал только тех, кого хорошо знал и любил...

Среди самых ранних сохранившихся работ — произведения военного времени, акварели и карандашные зарисовки. О мастерстве Смерединского-рисовальщика ярко свидетельствует портрет Марии Николаевны Яковлевич [7]. В этом небольшом карандашном рисунке, сделанном в 1946 году, пластическая выверенность удачно соединяется с выразительным, динамичным штрихом и легкостью исполнения. Более скромный в композиционном решении и графической проработке женский портрет (портрет жены) в военной форме, также выполненный карандашом.

Но наиболее интересны, безусловно, автопортреты художника. Воспроизведение своего облика в суровое военное время, как правило, было обусловлено несколькими причинами. Немаловажным для В. Смерединского было желание запечатлеть свое внутреннее состояние, выразить собственные переживания в столь опасное для жизни время, стремление изобразить себя в роли защитника Отечества, а, возможно, и навсегда остаться таким в памяти потомков...

Выполненные в акварели два автопортрета Владимира Алексеевича созданы с разницей в один год. Обе работы по размеру чуть превышают формат почтовой карточки и обе представляют зрителю погрудное изображение художника. На автопортрете 1943

года В. Смерединский изобразил себя в военной форме с ромбами в петлицах, со сдвинутой на бок каракулевой шапкой. Острый пронзительный взгляд карих глаз, брошенный на зрителя, усиливает напряжение, подчеркивая в образе боевой дух, волевое начало. На другом «Автопортрете» (1944) Владимир Алексеевич предстает перед нами уже в новой военной форме с погонами лейтенанта. При всей фотографичности данного изображения ему не откажешь в особой эстетике цветовой организации плоскости листа.

Портрет жены в цветном платье (1950-е гг.)

Практически вариантом автопортрета 1943 года выглядит и «Автопортрет в папаше», написанный художником в 1946 или 1947 году в технике масляной живописи уже на холсте. Однако новая интерпретация образа явно проигрывает первоначальному акварельному варианту как по замыслу и характеру образного решения, так и по живописной пластике.

Безусловно, автопортреты В. Смерединского 1940-х годов по глубине образности далеко не мемуары. По ним вряд ли составишь достаточно полное представление о жизни, важных и переживаемых художником событиях, о трагедии и судьбе человека. Это, скорее, лишь творческое осознание и переживание своего жизненного опыта, возможность овладения собственной биографией, жизнью, судьбой.

Вместе с тем автопортреты — это не только утверждение собственной индивидуальности, визуальное воплощение внешнего облика, проекция внутренних интенций личности, но и своеобразные «автографы» времени и эпохи.

Сирень (1960 г.)

Портрет Н. Г. Яковлевич (1952 г.)

Портрет Л. Г. Довгялло (1958 г.)

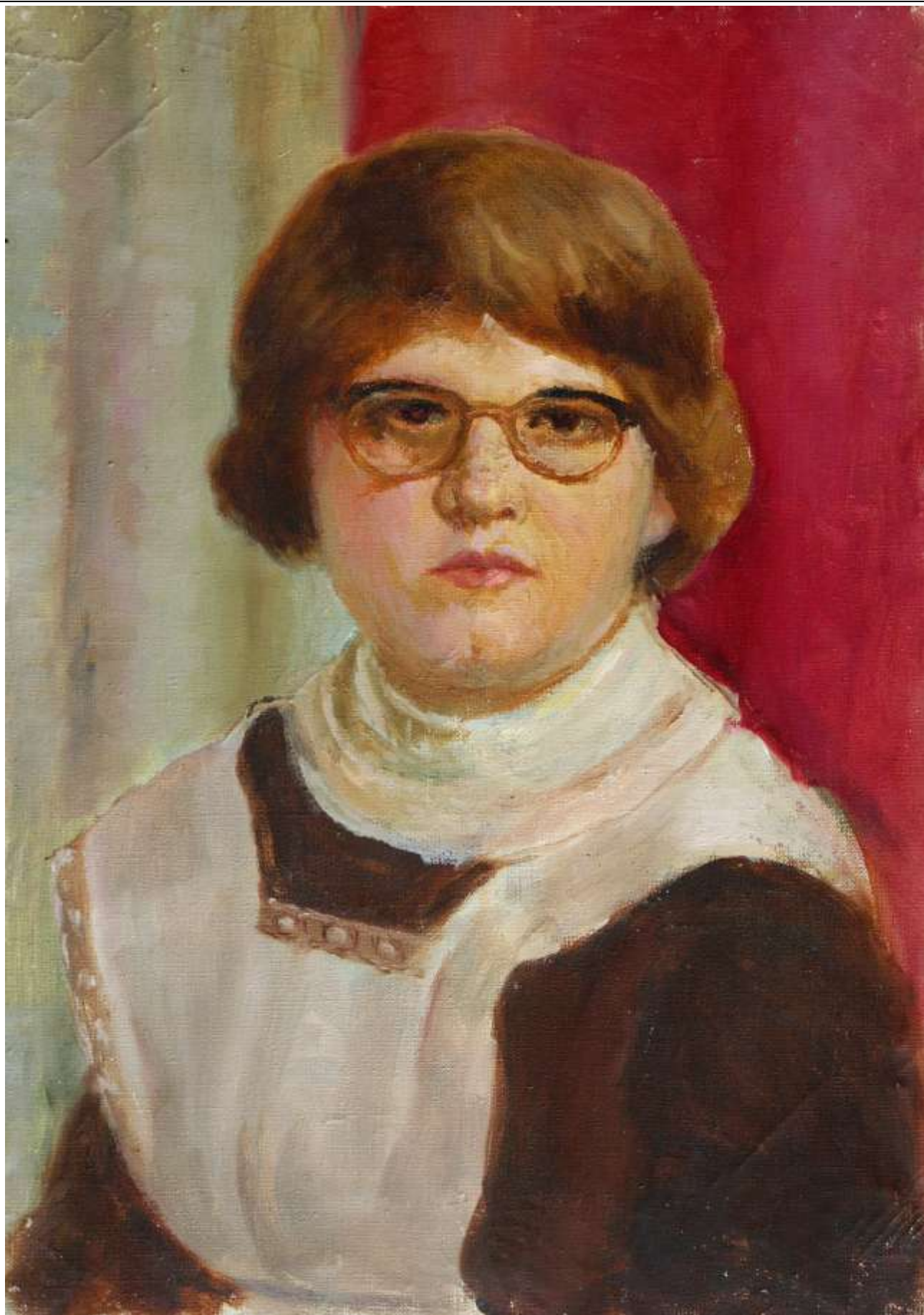
Портрет В. Х. Довгялло (1958 г.)

Портрет студента Г. В. Довгялло (1963 г.)

Портрет школьницы. Т. Гвоздева (1958 г.)

Портрет внучки. (Марина) (1978 г.)

Портрет заслуженного учителя БССР А. Я. Солохо (1950-е гг.)

Портрет жены (1946г.)

Таким предстает Владимир Смерединский в своем автопортрете, написанном в 1958 году. Это, пожалуй, самый выразительный и глубокий из автопортретов художника, в котором непосредственность и простота композиционного решения лишь оттеняет темперамент героя, его одухотворенность и волевой характер. Безусловно, как и в большинстве других портретов, написанных Владимиром Алексеевичем, именно глаза, взгляд становятся наиболее верным выразителем основной смысловой линии.

Значительная часть сохранившихся портретов, написанных художником, относится к концу 1950-х-1960-м годам. Примечательно, что в советском искусстве это было время небывалого интереса к портрету. Но это было и время, когда стремление к салонным образцам конца XIX века, идеализации, некоторой парадности образа нередко заслоняло правду реальной жизни, истинные чувства и эмоции людей. В. Смерединскому, как художнику своего времени, похоже, не всегда удавалось «убежать» от этой общей для всего советского искусства тенденции в живописном портрете. В стилистике портретов, написанных Владимиром Алексеевичем, иногда также ощутима излишняя парадная репрезентативность, стремление передать красоту и внешний лоск модели.

В творческой эволюции В. Смерединского не было радикальных перемен. И в работах 1940-х годов, и в портретных композициях 1960-х годов можно отметить стремление художника к простоте и выразительности композиции, к ясному силуэту и строгому академическому рисунку. Главным для художника была непосредственно сама живопись, в которой культура владения цветом удачно подкреплена вниманием к пластической выразительности отдельных элементов. В работах витебского художника отсутствует погоня за внешними эффектами. Основу портретов составляет уверенный, тщательно разработанный рисунок. Однако более значимым остается пластическая выразительность живописи, которая нередко преобладает над сюжетной и композиционной организацией портрета.

Часть их кисти В. Смерединского представляет модель погрудно, другая — сориентирована на композиционную и пластическую выразительность фигуры. Примечательно, что в большинстве портретов явно ощущается время создания. И часто совсем не только благодаря наличию сюжетно-повествовательных фонов с характерными для той эпохи элементами интерьера. Даже когда в портретах фон в традиционном виде отсутствует и представляет собой нейтральное живописное пространство, историзм портретов прослеживается в типаже, манере держаться, позах моделей и в их костюмах.

Портрет директора Витебского художественно-графического педучилища Акима Нестеровича Солохо [8] (1953 год) по своему образно-пластическому решению строг и официален. Парадная стилистика подчеркнута строгим костюмом героя, орденами и наградными знаками, уверенным положением модели, сидящей за письменным столом, на котором находится чернильный прибор, лежат книги и очередной номер «Настауницкай газеты». Слово апофеоз пафоса в портрете — красный карандаш в руке директора, поднятый вверх острием. Однако удивительно, что художник, сохраняя всю эту значимую для того времени атрибутику советского портрета, внимателен к пластике и эмоциональной и психологической выразительности лица, глаз героя. Здесь нет места фальши и наигранности.

По внешним признакам «Портрет жены» (1970-е годы) можно было бы также считать «парадным портретом». Репрезентативный трехчетвертной полуразворот фигуры, «иконостас» медалей на груди... И только взгляд, направленный на

зрителя, и удачно живописно обозначенные сложенные одна в одну ладони рук выдают внутреннее состояние героини — психологически сложное и далеко не однозначное. В данном портрете В. Смерединскому удалось создать, действительно, интересный и глубокий образ женщины, чьей судьбы так сурово коснулось военное лихолетье.

Постановочный характер и подчеркнутая композиционность отличают портрет Лидии Григорьевны Довгялло [9] (1958 год). Ритмической доминантой в нем становится наброшенный на плечи мех, который героиня портрета придерживает руками, пластически тщательно смоделированными на полотне. Так же живописно, основательно написано и лицо модели.

«Портрет Владимира Хрисанфовича Довгялло» [10] (1958 год) представляет собой разновидность жанрового тематического портрета. Несколько медицинских журналов, выложенных на столе, за которым сидит врач, характеризуют этот образ профессионально. Типический образ советского интеллигента вместе с тем наделен конкретными индивидуализированными чертами. Внимание к личности, внутреннему состоянию модели в «Портрете студента. Геннадий Владимирович Довгялло» [11] (1956 год) также позволяет художнику создать психологически выразительный образ молодого человека.

Большую группу из дошедших до нас портретов составляют портреты Валентины Григорьевны Яковлевич — жены художника. Яркий и внутренне содержательный образ создан автором в акварели «Портрет жены» (1946 год): утонченный характер образа удачно подчеркивает изысканная и, вместе с тем, непринужденная поза модели, тонко промоделированное лицо героини.

Погрудное изображение в портрете жены, написанном в 1948 году, по типологии приближается к образам девушек, комсомолок, делегатов и общественниц, хорошо известным в советской иконографии 1930-1940-х годов. Вместе с тем выразительная пластическая моделировка лица и сочность живописи свидетельствуют о неординарной одаренности В. Смерединского. То же мастерство пластической моделировки видится и на плохо сохранившемся портрете В. Яковлевич, где привлекательная внешность модели и удачно пойманное психологическое состояние придают светлому и чистому образу интригующую загадочность.

Вполне вероятно, что это не этюд, а часть какой-либо композиции, не дошедшей до нас в целостности.

Светлый и емкий образ создан В. Смерединским в портрете 1949 года, где образ жены представлен на фоне зимнего пейзажа. Эта работа — одна из наиболее удачных интерпретаций любимой им модели. Написанный вскоре портрет жены с книгой (середина 1950-х годов) решен в теплой гамме охристо-коричневых и фиолетовато-розовых тонов. По сравнению с предыдущей работой, это произведение более аскетично по диапазону живописных интонаций. Не лишен живописных достоинств и психологической выразительности и портрет жены, написанный в сентябре 1964 года.

Портрет жены. Этюд (1950-е гг.)

Одна из наиболее удачных работ, написанных в 1950-е годы, — «Портрет жены в цветном платье». В нем достаточно полно проявились черты южнорусской школы. Точность рисунка, композиционная и конструктивная выразительность, непринужденность позы модели, свежесть колористического решения позволяют этому произведению занять особое место в творчестве Владимира Смерединского.

«Портрет дочери» [12] написан, скорее всего, в один сеанс. Работа остановлена на стадии подрисовки, в ней присутствуют основные раскладки цветов, намечен поиск тональных отношений и цельность цветового этюда.

Среди наиболее удачных портретных образов можно назвать и композицию «Ученица. Портрет дочери» (1958 год). Яркое выраженное образно-поэтическое начало приближает это произведение к

портрету-типу. Хрупкая гармония между тщательной пластической «сделанностью» живописного полотна и удачно найденным образным решением придают этому портрету особую значимость. Не менее выразителен и живописно эффектен «Портрет школьницы. Т. Гвоздева» [13] (1958 год). В образном строе последнего — тонкое ощущение времени, того духа 1950-х годов, который нашел выражение, в первую очередь, в тщательно смоделированном и психологически-выразительном лице модели.

Среди дошедших до нас портретных композиций следует назвать также «Портрет Нины Григорьевны Яковлевич [14]», написанный В. Смерединским в 1952 году, и созданный 26 лет спустя «Портрет внучки. (Марина) [15]». В первом доминантами стилистики и образности являются романтическое начало, живописная свобода и динамика пластической моделировки.

Особое место в творчестве В. Смерединского принадлежит натюрмортам, в которых предметы обретают, благодаря тонким цветовым отношениям, особую одухотворенность. В «Сирени» (1960 год) образной доминантой становится букет цветов в очень характерной для 1960-х годов вазе. Композиционная собранность и внимание к иллюзорной тщательности в передаче объектов придают этому произведению особую выразительность. Художнику важно передать все детали: и открытую раму окна, и занавеску за стеклом, и все фрагменты подоконника. И вместе с тем не композиционные качества и не пластическая проработка отдельных объектов определяют выразительность произведения, а именно его живописные качества. Сочность и контрастность живописи, звонкие акценты света, динамичный мазок. Еще одна композиционная версия цветочного натюрморта на фоне окна — «Пионы. Натюрморт» (до 1965 года). Так же, как и в предыдущей работе, особую роль здесь играет прямой солнечный свет, создаваемые им живописные контрасты. Симметрия, созданная в композиции местоположением букета, лишь слегка разрушается динамичными горизонталями подоконника и подноса, на котором стоит ваза, а также легкой экспрессией живописного мазка.

Живописное наследие Владимира Смерединского не исчерпывается двумя десятками живописных и графических произведений. Очень много их разошлось по частным коллекциям и не стало доступным для авторов этой книги. На творчестве этого, без

сомнения, незаурядного художника сказалась страшная, кровопролитная война, когда каждый день мог стать последним... Сейчас остается только сожалеть о том, что Владимир Алексеевич, имея за плечами хорошую профессиональную школу и опыт, так редко экспонировал свои работы на выставках, что он часто отдавал предпочтение изготовлению копий любимых картин, а не писал собственные.

В. Г. Яковлевич и В. А. Смерединский (слева) с боевыми друзьями (1970-е гг.)

Впрочем, все это не мешало художнику жить полноценной жизнью в кругу любимых людей: жены, дочери и внуки. Гены сказались и на них — внучка и правнучка хорошо рисуют. Некоторое время Владимир Алексеевич даже занимался рисунком с внучкой Мариной, но полноценным занятиям с ней помешала наступающая слепота. «Отец неоднократно по этому поводу говорил: «Жаль, что у меня осталось мало времени. А то бы я из Марины сделал хорошего художника», — вспоминает Вера Владимировна. — Успешно занимается рисованием и моя внучка Инна, правнучка Владимира Алексеевича, ученица гимназии №1. Может быть, в нашей семье появится еще один художник?».

В последние годы жизни В. Смерединский много болел: лишения и невзгоды военных лет все же дали о себе знать. «Его серьезную болезнь мы с мамой — врачи! —, к сожалению, просмотрели, — вспоминает Вера Владимировна. — А когда спохватились, было уже по-

здно».

Владимир Алексеевич Смерединский умер 14 декабря 1984 года на 86 году жизни и похоронен на Мазуринском кладбище. Валентина Григорьевна его пережила почти на 20 лет. Она умерла 28 июня 2003 года и похоронена рядом с мужем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петр Григорьевич Яковлевич родился в 1911 г. в Витебске. Трудовую деятельность начал в 1928 г. рабочим на железнодорожном транспорте. В 1937-1940 гг. избирался секретарем Полоцкого окружкома комсомола. В годы Великой Отечественной войны находился на ответственной партийной работе в Беларуси и Алтайском крае. С 1943 по 1945 гг. работал секретарем Полесского обкома КП(б)Б. После окончания в 1946 г. Высшей школы парторганизаторов при ЦК- ВКП(б) был заместителем секретаря Гомельского обкома КПБ, избирался вторым секретарем Витебского горкома КПБ. С 1950 г. на протяжении трех лет являлся заместителем председателя Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся, затем первым секретарем Дриссенского райкома КПБ, а с 1960 г. до выхода на пенсию — первым секретарем Полоцкого горкома КПБ. Умер 2 ноября 1981 г.

2. Позднее В. Смерединский был награжден также орденом Отечественной войны.

3. Государственный архив Витебской области. Ф. 2390, оп. 1, д. 3, л. 1.

4. Там же, лл. 6, 9.

5. Там же. Ф. 133, оп. 6, д. 15, л. 11.

6. В 1934 году Одесский художественный институт снова стал средним учебным заведением.

7. Мария Николаевна Яковлевич (1892-1987) — мать В. Яковлевич, домохозяйка.

8. Аким Нестерович Солохо (1885-1978) — заслуженный учитель БССР (1946), почетный гражданин Витебска (1967). Окончил Полоцкую учительскую семинарию (1905) и Витебский учительский институт (1916). Работал учителем в школах станции Сиротино, деревни Громы (под Полоцком) и в Витебске. Участник Великой Отечественной войны. В 1944-1959 годах являлся директором Витебского педучилища.

9. Лидия Григорьевна Довгялло (1919-1998) — врач, работала терапевтом в городской поликлинике им. Ленина.

10. Владимир Хрисанфович Довгялло (1913-1990) в 1953-1973 гг. — главный врач областного онкологического диспансера.

11. Геннадий Владимирович Довгялло — кандидат медицинских наук, доцент Витебского государственного медицинского университета.

12. Вера Владимировна Гернец-Смерединская. В 1967 г. окончила Витебский медицинский институт. С 1976 г. работает преподавателем в Витебском медицинском колледже.

13. *Гвоздева-Зорка Тамара Ивановна. В 1969 г. окончила Витебский медицинский институт. Работала врачом в Витебской областной психиатрической больнице, а ныне — врач Республиканской психиатрической больницы в Минске.*

14. *Нина Григорьевна Яковлевич (1922-1985) — врач, работала терапевтом в городской поликлинике им. Ленина.*

15. *Марина Викторовна Смирнова (ур. Гернеи) — внучка В. Смерединского и В. Яковлевич, дочь их дочери Веры Гернец-Смерединской. Закончила с медалью витебскую СШ № 31, в 1993 году — с отличием химико-биологический факультет Витебского медицинского института. С 1998 года — преподаватель биохимии в Витебском медицинском колледже.*

Научно-популярное издание

*Подлинский Аркадий Михайлович,
Цыбульский Михаил Леонидович*

ХУДОЖНИК
ВЛАДИМИР СМЕРЕДИНСКИЙ

*Редактор С. В. Серебро
Технический редактор З. В. Цыганкова
Верстка С. В. Серебро
Корректор Н. С. Степанова*

*Подписано в печать 16.07.2008. Формат 62х84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 1,32.
Тираж 300 экз. Заказ 4407.*

*Издатель и полиграфическое исполнение:
унитарное полиграфическое предприятие
«Витебская областная типография».
ЛИ 02330/0133033 от 30.04.2004.
ЛП 02330/0056849 от 30.04.2004.
Ул. Щербакова-Набережная, 4, 210015, г. Витебск.*

